
КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПЬЕРА БУРДЬЕ

А. Р. Айтбаева

Известный французский социолог П. Бурдьё разработал оригинальную концепцию социальной реальности, альтернативную как структуралистской, так и феноменологической трактовке этой реальности. Некоторым её аспектам и уделяется внимание в настоящей статье.

Основными понятиями этой его концепции являются: «социальное пространство», «социальный агент», «поле», «габитус», «капитал», «класс», «символическое насилие», «незнание» и некоторые другие. В то же время наиболее значимым для П. Бурдьё является понятие социального пространства. Он пишет: «Прежде всего социология представляет собой *социальную топологию*. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, т.е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме» /1/. Но чтобы понять, как Бурдьё трактует социальное пространство, следует обратить внимание на то, как он понимает человека.

Человек, согласно ему, является двойственным: он – одновременно биологический индивид и социальный агент. Бурдьё сознательно не оперирует понятием «субъект», полагая, что субъект не является активным и свободным существом. Он утверждает, что социологическая теория должна начинаться с чёткого разграничения физического и социального пространства. Как биологический индивид человек живёт в физическом пространстве, занимает в нём то или иное определённое место или перемещается в нём, подобно любому физическому предмету. Социальное же пространство образовано социальными позициями агентов. «Агенты и группы агентов, – пишет Бурдьё, – определяются... по их *относительным позициям* в этом пространстве» /1, 56/. Но оно неразрывно связано с физическим пространством: в нём оно реализуется; последнее является обитаемым или присвоенным. Само физическое пространство получает ту или иную структурированность от характера структуры социальных позиций агентов или групп агентов. Социальное пространство имеет, согласно Бурдьё, объективное и субъективное измерения. «Социальное пространство... – пишет он, – вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур» /1, 38/.

Приведём ещё одну характеристику П. Бурдьё социального пространства. Он пишет: «Социальное пространство – абстрактное пространство, консти-

тулируемое ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в виде структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях...» /1, 40/.

Понятие поля – другое важнейшее понятие социологии П. Бурдьё. Поле создаётся позициями агентов, находящихся в нём и придающих ему определённую структуру, и без них и вне их существовать не может. «Каждое поле, – отмечает Бурдьё, – является местом более или менее декларированной борьбы за определение легитимных принципов деления поля» /1, 77/. Каждому полю присущи свои специфические типы власти. Ни одно из этих полей не может быть редуцировано к любому другому, а равно не может быть и выведено из любого другого. В связи с этим П. Бурдьё упрекает марксизм в «редукции социального поля, как многомерного пространства, к одному лишь экономическому полю, к экономическим отношениям производства, тем самым устанавливая координаты социальной позиции» /1, 81/. «В реальности, – отмечает он, – социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей...» /1, 82/. Один и тот же агент может занимать позиции в различных полях и общая «позиция данного индивида в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, т.е. в распределении власти активированной в каждом отдельном поле» /1, 57/.

Следующим важным понятием концепции социальной реальности П. Бурдьё является понятие капитала. Данное понятие он трактует весьма широко. Капитал, согласно ему, бывает не только экономическим, но и культурным, социальным и символическим. Например, «научный авторитет является особым типом капитала, который может – при соблюдении некоторых условий – накапливаться, передаваться и даже реконвертироваться в другие типы капитала» /2/. Обладание тем или иным видом капитала даёт соответствующую форму власти. Собственно говоря, капитал и власть тождественны. «Отдельные виды капитала, – пишет Бурдьё, – как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле (действительно, каждому полю или субполю соответствует особый вид капитала, имеющий хождение в данном поле как власть или как ставка в игре)» /1, 57/. Естественно, разные агенты владеют разными капиталами и разными объёмами этих капиталов. Бурдьё отмечает: «Во всяком поле с более или менее неравной силой, в зависимости от структуры распределения в нём капитала (степень однородности), противопоставляются доминирующие, которые занимают самые высокие позиции в структуре распределения научного капитала, и доминируемые...» /2, 489/.

Ещё одним важным понятием концепции Бурдьё является понятие габитуса. Согласно ему, габитусы – это «системы устойчивых и переносимых

диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на неё» /3/. Бурдьё замечает: «Различия в диспозициях, равно как и различия в позициях (с которыми они часто связаны) лежат в основе различий в восприятиях и оценках, а тем самым – и совершенно реальных переживаний» /1, 290/. Таким образом, под габитусом Бурдьё понимает совокупность схем интеграции и интериоризации различных полей, систему долговременных индивидуальных и групповых установок, ориентаций, функционирующих как матрицы восприятия, постановки целей, решения задач, действий и поступков. Структурируя восприятие, мышление и поведение, габитус воспроизводит социокультурные правила, нормы, стили жизни различных социальных агентов и групп. Но схемы габитуса не являются формами целерационального выбора, они – подсознательны. На их основе формируется единое смысловое поле социальности и преодолеваются «обычные предрасположенности, в которые мы обычно замкнуты: детерминизм и свобода, предустановленность и творчество, сознание и бессознательное, индивид и общество» /3, 107/.

С понятием власти связано понятие символического насилия, которое, согласно П. Бурдьё, есть необходимая функция власти. Всякая власть, согласно ему, базируется не только и даже не столько на применении прямого насилия, сколько благодаря признанию её легитимности. Власть осуществляет символическое насилие, тем самым навязывая свою систему значений, иерархию ценностей, которые в обществе приобретают само собой разумеющийся, естественный характер. С помощью символического насилия власть производит нужную трансформацию восприятия и кристаллизацию отношений «господство – подчинение», т.е., по терминологии Бурдьё, отношение «доминирующие – доминируемые». Легитимность власти, утверждает П. Бурдьё, предполагает *незнание*, неосознаваемое восприятие и принятие агентами заданных и господствующих установок и ценностей. Это незнание, согласно ему, есть неполное, искажённое и даже мистифицированное знание. Власть, осуществляющая символическое насилие, сама становится до известной степени символической властью. Она образуется и функционирует при соучастии подчиняемых ею агентов, поскольку они признают её легитимность. Данный эффект П. Бурдьё называет *структурной мистификацией*. Она включает в себя механизмы мистификации, которые, конечно, не осознаются агентами. Причём, утверждает П. Бурдьё, это намеренный обман, ибо обманываются также и сами мистификаторы. А это значит, полагает он, что свобода агента по своей сути *иллюзорна*. И вся система понятий, разработанных данным социологом, призвана, согласно ему, объяснять постоянное воспроизводство оппозиции «доминирующие – доминируемые» в социуме.

Бурдые делает вывод о классовом характере культуры, включая искусство и сферу образования. При этом классы понимаются им как группы, различающиеся не только в системе экономических отношений. Каждая из этих групп наделена собственным стилем жизни, выражающим форму её приспособления к своему положению в социальной структуре, под которым он понимает борьбу различных классов за власть. Господствующий класс, согласно ему, состоит из ряда групп, представляющих экономический, политический, религиозный, культурный капитал, каждая из которых стремится мобилизовать поле власти в собственных интересах.

Обратимся к политическому полю, выделяемому П. Бурдые. Он пишет: «Политическое поле, понимаемое одновременно как поле сил и поле борьбы, направленной на изменение соотношения этих сил, которое определяет структуру поля в каждый данный момент, не есть государство в государстве: влияние на поле внешней необходимости даёт о себе знать посредством той связи, которую доверители, в силу своей дифференцированной отдалённости от средств политического производства, поддерживают со своими доверенными лицами, а также посредством связи, которую эти последние в силу их диспозиций поддерживают со своими организациями» /1, 181-182/. П. Бурдые считает, что «политическая жизнь может быть описана в логике спроса и предложения: политическое поле – это место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в неё втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведённые до положения “потребителей” и тем более рискующие попасть впросак, чем более удалены они от места производства» /1, 182/.

Нетрудно заметить, что П. Бурдые трактует сферу политики как своеобразную сферу производства, структурно гомологичную сфере товарного, или товарно-денежного материального производства. Товарное производство ориентировано на обмен продуктов на рынке по законам стоимости. Качество и количество тех или иных продуктов (потребительных стоимостей) регулируется законом спроса и предложения, также конкуренции. Он пишет: «Таким образом, политическое поле является местом конкурентной борьбы за власть, которая осуществляется посредством конкуренции за непосвящённых или, лучше сказать, за монополию на право говорить и действовать от имени какой-либо части или всей совокупности непосвящённых» /1, 205/. И именно эту логику П. Бурдые и переносит на область политики. Но, конечно, полной гомологии между экономикой и политикой («экономическим полем» и «политическим полем») быть не может. Это понимает и Бурдые. И он указывает на специфическое отличие политики. «Политика, – пишет он, – является исключительно благодатным местом для эффективной символической деятельности, понимаемой как действия, осуществляемые с помощью знаков, способных

производить социальное, и, в частности, группы» /1, 90/. Данное положение следует понимать не в том смысле, что посредством знаков и символов буквально производятся социальные феномены, например, политические группы. Это следует понимать в том смысле, что благодаря доверию этим знакам и символам индивиды могут объединяться в сообщества, существование которых спровоцировано «символической деятельностью» политиков.

На наш взгляд, можно вполне принять понятие политического поля, предложенное П. Бурдьё. Однако его рыночное истолкование содержания этого поля следует отвергнуть. Более предпочтительна в этом отношении точка зрения В. Н. Амелина, который говорит не о поле, а пространстве политики и политической власти. Он пишет: «Пространство политической власти образуется по меньшей мере тремя измерениями. Первое – отношения политического субъекта с той социальной общностью, интересы которой он представляет. Это “ось представительства”. Второе сочетает в себе многообразие отношений политического субъекта с социальными институтами общества и “властвующей элитой” (Р. Миллс) – это “институциональная ось”. На третьей оси откладываются различные “техники” и “практики” решения политическим субъектом проблем, встающих перед обществом. Это “ось политической деятельности”. В каждом из этих измерений ключевым является политический субъект – индивид, группа людей, организация, удовлетворяющие следующим условиям: самостоятельное принятие решений, наличие средств и возможностей их реализации или, по крайней мере, контроля за реализацией решений и, наконец, ответственность за свои мысли и действия перед некоторой высшей инстанцией – Богом, народом, историей. В каждой из этих сфер действуют свои механизмы реализации властных отношений» /4/.

Трудно возражать против понятия «политическое пространство» или даже против понятия «пространство политической власти». Последнее составляет лишь часть политического пространства, созданного и воссоздаваемого политической деятельностью и политическими отношениями. Другая часть данного пространства – пространство политической подвластности, чего В. Н. Амелин явно не учитывает. Кроме того, если в социологии, политологии и им подобных науках допустимо группу людей или организацию считать субъектом, то в социальной философии такое недопустимо. Субъектом является всегда только *лишь человек* – как индивид, как индивидуальность и как личность (хотя человек как всего лишь индивид и не всегда бывает субъектом). Следовательно, его точка зрения также не может быть всецело приемлемой.

П. Бурдьё ошибочно полагает, что понятие субъекта неприменимо к деятельному человеку и предпочитает понятие агента. Но агент – это как раз и есть не самостоятельный деятель, а *носитель* и осуществитель

предписанной ему извне функции. К тому же главным недостатком общей концепции социальной реальности, разработанной данным социологом, является *дуализм* в понимании сущности человека: он для него является существом *био-социальным*. А подобная точка зрения давно уже преодолена лучшими представителями советской философии, в частности, Э. В. Ильенковым, который в своё время писал: «Социально-биологический дуализм в понимании сущности человеческой индивидуальности (личности) – только начало этого плюралистического конца, то бишь могилы мышления, руководствующегося логикой редукции, уводящей всё дальше и дальше от той конкретной сущности, которую хотели понять, логикой разложения конкретности на неспецифические для неё составляющие части. В конечном эта логика с неизбежностью приведёт к социо-био-химически-электро-физически-микрофизически-квантово-механическому пониманию сущности человека» /5/.

1. *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. С. 55 – 56.
2. *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2007. С. 482.
3. *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб., 2001. С. 102.
4. *Амелин В.* Многомерная модель политической власти // *Общественные науки и современность.* 1991. № 2. С. 48.
5. *Ильенков Э. В.* Что же такое личность? // *Он же.* Философия и культура. М., 1991. С. 390 – 391.

Айтбаева А.Р.

Пьер Бурдьёнің элеуметтік реалдылық тұжырымдамасы

Бұл мақалада әйгілі француз социологы Пьер Бурдьёнің элеуметтік реалдылық тұжырымдамасы талданады. Оның күшті және әлсіз жақтары анықталады. Берілген тұжырымдаманың басты кемшілігі — П. Бурдьё элеуметтік реалдылықты, дуалистік (био-элеуметтік) жақтан түсіндірілген адам мәнінен шығаруында.

Aitbaeva A.R.

The Conception of the Social Reality of Pierre Burdieu

This article analysis of the conception of social reality presented by famous French sociologist Burdieu P. and the author is trying to look through its weak and strong points. The main deficiency of this conception is that Burdieu draws the social reality from the dualistic understanding of a human existence.